

ДИСКУРС ВЛАСТИ: ОТ УПРАВЛЕНИЯ КОНТЕНТОМ К КОНТЕКСТУ УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИЕЙ

О.А. Верещагин, О.Е. Андреев, Р.Р. Сорокин

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал),
Арзамас, Россия

helgardt@mail.ru
andreevov@yandex.ru
bts-arz@yandex.ru

В статье представлена проблематика критических дискурсивных исследований в политической коммуникативистике. В частности, продемонстрированы способы и стратегии администрирования посредством конструирования властного метанарратива. Медийные институты языкового (культурного) доминирования, по мнению авторов, обеспечивают стабильность существующего иерархического порядка и выражают фундаментальную «волю к власти» в практике общественных отношений. Природа властного доминирования проявляется в ужесточении контроля и регулирования коммуникативных действий граждан уже на уровне порождения текста и речевого высказывания. Властные (языковые) инстанции в современном контексте не удовлетворяются контролем в отношении дискурса как социальной практики, во всё большей степени их интересует процесс субъективации (индивидуализации) опыта восприятия. Власть не просто хочет контролировать тексты и речевые продукты в медийном пространстве, она видит себя генератором внутреннего опыта субъекта. Превращение человека в субъекта есть по существу особый способ его репрезентации в современном публично-правовом пространстве. Обращение к вербальным техникам парресии, как полагают авторы, позволяет увидеть альтернативные способы самоконституирования и самопрезентации, существовавшие в традиционном сознании.

Социально-когнитивная природа символической политики рассмотрена в общем контексте развития социологии знания в качестве перспективного направления социогуманитаристики. Аналитика форм и механизмов дискурсивного воспроизводства элитарной власти осуществлена авторами с опорой на богатый исследовательский опыт западной теории политической коммуникации.

Ключевые слова: власть, дискурс, информация, коммуникативистика, когнитивные исследования, медиа, парресия, речевые практики, символическая политика.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.2-65-72

Современная эпоха отличается информационной избыточностью. Информация пролиферируется однородными сериями типизированных сообщений и легитимизируется мнимой гетерогенностью событийного ряда. Информационная сверхплотность нивелирует значимость отдельного информационного эпизода и превращает сингулярные факты в неразличимые фрагменты в мозаике происходящего. Прежняя

ценность объективного доступа к новостным ресурсам девальвирована полной или частичной утратой общественного контроля над производством и распространением информации [3]. Свобода информации превращается в свою противоположность, замещается практиками конкурентной борьбы за потребителя информационных услуг и оборачивается различными формами властного репрессивного контроля и

управления. Возникает специфическая ситуация, которая осмысливается в категориях «власти дискурса» (панъязыковости опыта восприятия), когда реципиент оказывается затерянным в пространстве противоречивых сообщений и одновременно утрачивает суверенный статус личности и индивидуальности. Исследователи говорят о десубъективации человека, о превращении индивида в дивида, о децентрации субъекта и превращении его в сингулярную точку в коммуникативных связях.

Тенденции «объективирования» человека («смерть субъекта») [7] были отрефлексированы в соответствующей концептосфере западной социальной теории еще во второй половине XX века и оказались коррелятивными по отношению к изменениям ментальности информационного общества. Для своего времени «бессубъектные модели» теоретической рефлексии с точки зрения вклада в философскую инноватику являлись радикальным вызовом в отношении всей субъектцентрированной картезианско-кантианской традиции философствования, установившей на десятилетия жесткие парадигмальные рамки и дискурсивные правила философии субъекта.

Качественное обновление проблематики философских исследований связано с ацентричными интеллектуальными практиками постструктуралистов и постмодернистов. Модель-метафору «смерти субъекта» для обозначения бессубъектного способа теоретизирования вводит Р. Барт в статье «Смерть автора» [1], фиксируя исчезновение авторского следа в литературном творчестве. Теоретическая аннигиляция субъекта находит свое окончательное завершение в идее дискурсивного конструирования («объективирования») субъекта М. Фуко [11].

На этом раннем этапе «постструктуралистской революции» французские мыслители пытались установить особые отношения дискурса и политики, власти и знания. В идее «разделения языков» [2] или социолектном многообразии Барт видит как основания господства и доминирования в социальном пространстве коммуникации, так и возможное оппонирование механизмам властного контроля в публичном взаимодействии. В сложном переплетении двух типов дискурса (энкратический и акратический социолекты) можно отследить механизмы функционирования властных отношений. В указанном социолектном противостоянии обнаруживается связь дискурса с властью, которая, по мнению Барта, чаще всего завуалирована определенным культурно-идеологическим контекстом. «Фактически, – пишет Барт, – язык власти всегда оснащен структурами опосредования, перевода, преобразования, переворачивания с ног на голову» [Там же, с. 529], т. е. реализует свое влияние с опорой на ранее сформулированные правовые принципы и мифологизированные представления. Мир «доксы» (расхожего общего мнения) оказывается той апелляционной инстанцией, к которой обращается политический дискурс для легитимации своего социально-когнитивного статуса, и тем реальным «культурным, или дискурсивным, опосредованием, через которое осуществляется речь власти» [Там же]. Барт подчеркивает тотальность энкратического языка, пользующегося поддержкой власти, пронизывающего все сферы социальности и эксплуатирующего различные техники убеждения и влияния. Рядящийся в одежды системности энкратический дискурс в действительности выступает «оппозицией всякой системности» [Там же, с. 530], снабжая свой концептуальный

аппарат внесистемными и псевдосистемными универсалиями, такими как «природа», «универсальность», «очевидность», «ясность» и «здравый смысл». Через идеологический язык политическое становится фундаментальным и укорененным, обретает черты внутренней полноты и исчерпанности, отсюда возникает «ощущение удушья, вязкой массы» [Там же], которое порождает властный дискурс у человека, не ангажированного смыслами энкратического словаря.

Дереализация политической жизни приводит к смещению эпицентра борьбы за власть в символическое пространство культурных ценностей и норм. В этом смысле дискурс власти и власть дискурса оказываются взаимно поддерживающими и комплементарными системами публичного администрирования, поэтому политический дискурс как «основная опора режима нуждается в своеобразной дополнительной опоре – “второй ноге”, то есть власти дискурса» [10, с. 55]. Администрирование через и посредством конструирования властного метанарратива становится важным механизмом языкового (культурного) господства и доминирования, обеспечивающим стабильность существующего иерархического порядка. В свою очередь, высокий политический статус гарантирует явные преференции в «осуществлении языкового влияния, принуждения, насилия» [8, с. 124, 125], поэтому «властное слово – это авторитетное слово», а сама возможность «использовать язык эффективнее других, возможность контролировать языковые процессы дает преимущества в осуществлении влияния и в занятии высокого статуса» [Там же].

Когда П. Бурдьё [4] говорит о «новом духовенстве», он прежде всего имеет в виду категорию новоиспеченных «духовных

лиц» или действующих агентов в поле символического манипулирования, которые сами устанавливают правила и рамки функционирования социальной реальности. Именно они своей деятельностью оказываются способны создавать конструкцию предмета (образ социальной реальности) и предлагать соответствующие ему режимы истины и правила политической игры. Реализуя свое преимущественное право на осуществление символических действий, «новое духовенство» стремится «манипулировать мировоззрениями (и через это изменять практики), манипулируя структурой восприятия мира (как природного, так и социального), манипулируя словами и, через них, принципами построения социальной действительности» [5, с. 150].

Обширный фонд критических дискурсивных исследований представлен в творчестве современного голландского исследователя Тён А. ван Дейка [6], который предлагает глубокую аналитику форм и механизмов дискурсивного воспроизводства элитарной власти. Чрезвычайно важно, что идея власти дискурса воспринимается ван Дейком в качестве своеобразной аксиомы современной теории политической коммуникации, не требующей дополнительных аргументов для своего обоснования. Если можно так выразиться, политологические рефлексии ван Дейка в целом реализуются априорно в рамках парадигмы *linguistic turn* и претендуют лишь на более скрупулезный анализ последствий принятия гипотезы «языкового доминирования» и господства в политической среде. Не случайно поэтому он выходит за рамки банальных констатаций связей и отношений в рамках триангуляции «дискурс–познание–общество» и пытается предложить исследование контекста

управления знанием как систематического злоупотребления властью, закрепляющего структуры социального неравенства на уровне знаниевой коммуникации.

Речь прежде всего идет о контроле и регуляции коммуникативных действий людей со всё возрастающей угрозой подавления свободы текстов и речи. Властные (языковые) инстанции в современном контексте не удовлетворяются контролем в отношении дискурса как социальной практики, в большей степени их интересует процесс субъективации (индивидуализации) опыта восприятия. Власть не просто хочет контролировать тексты и речевые продукты в медийном пространстве, она мнит себя регулятором текстопорождения и речеворения во внутреннем опыте субъекта. Как утверждает ван Дейк, непрямой, подразумеваемый и возможный дискурсивный контроль осуществляется на уровне «знания, мнений, отношений, идеологии, а также личных и социальных репрезентаций» [6, с. 28], т. е. на уровне сознания. Гибкие формы регуляции сознания, используемые дискурсивной властью, позволяют ей предвосхищать возможные действия и поступки людей и в конечном счете направлять и организовывать их поведенческие реакции.

Каким же образом реализуется механизм дискурса власти? По мнению ван Дейка, властные инстанции всё менее связаны самим коммуникативным контентом и пытаются управлять самим контекстом коммуникативного события. Таким образом, не столь уж важно, что в действительности происходит или происходило в ряду политических событий. В ситуации всеобщей информированности скрыть происходящее просто не представляется возможным. Реальное значение приобретает кон-

троль над контекстом медийного сообщения. Только политическая элита и аффилированные с нею медийные структуры могут решать «кто, когда, где и с каким целями будет участвовать в том или ином коммуникативном событии» [Там же], а следовательно, определять как конфигурацию, так и смысловую определенность коммуникативного акта. «Контроль над публичным дискурсом, – указывает ван Дейк, – это контроль над сознанием аудитории, а значит, косвенно над тем, что желает или делает аудитория» [Там же, с. 32]. Поэтому тому, кто организывает и конфигурирует само коммуникативное действие и «может убеждать, соблазнять, внушать или манипулировать людьми» [Там же], не нужно применять силу.

Предпринятые ван Дейком интеллектуальные усилия по контекстуализации когнитивно-информационных механизмов властного доминирования развивают основополагающие интенции негативной меритократической концепции М. Фуко, высказанные им на этапе перерастания его структуралистских идей в собственно постструктуралистский дискурс власти и политики. Фуко предлагает говорить не столько о феномене власти или механизмах властного контроля, сколько об «истории различных режимов субъективации человека в культуре» [12, с. 165]. Понять власть, по мнению Фуко, нельзя исходя из предложенных ею же режимов истины, справедливости и порядка. Власть обладает привилегией как самого знания, так и возможных интерпретативных механизмов его обоснования, поэтому суть противостояния и противодействия диктату власти заключена в «сопротивлении таким последствиям власти, которые связаны со знанием, с компетенцией и квали-

фикацией» [Там же, с. 167]. Французский исследователь специально отмечает, что его целью в исследовании дискурса власти является отнюдь не борьба с мистифицированными представлениями и деформациями общественного сознания. Тем более не стремится Фуко и к полной релятивизации политико-идеологического знания. Под сомнение в первую очередь ставится сам «способ циркуляции и функционирования знания, его отношения с властью» [Там же], т. е. режим производства и воспроизводства знания.

Современная политико-антропологическая повестка, как указывает Фуко, характеризуется изменением природы властного отношения, а тем самым и модификацией механизмов осуществления власти. Наиболее значимым последствием нынешней мировоззренческой ситуации является превращение индивида в субъекта, когда прямо и подспудно осуществляется привязка человека к определенной идентичности, интериоризация вмененных личности режимов ценностей и законов истины. Личность на субъективном уровне оказывается вовлеченной в процесс воспроизводства тех или иных правил игры, реализуя заданные траектории политических действий и решений.

В этом смысле большей степенью актуализации обладают альтернативные способы борьбы и сопротивления властному контролю. Фуко проводит сравнительный анализ трех наиболее типичных форм сопротивления. Две первые стратегии борьбы направлены против различных форм объективации политического опыта, и лишь третья форма сопротивления противостоит практикам субъективации, позволяющим «привязывать индивида к самому себе и тем самым обеспе-

чивать его подчинение другим» [Там же, с. 167, 168]. Указанную борьбу Фуко называет «борьбой против подчинения, против различных форм субъективности и порабощения» [Там же].

Как полагает французский исследователь, новоевропейский субъект, («мистифицированное cogito») является недавним интеллектуальным изобретением, продуктом современных социально-когнитивных практик. Субъект конституирован, т. е. воссоздан в определенном ментальном контексте, в качестве некоего культурного учреждения с изначально несuverенным онтогносеологическим статусом.

Однако в более глубоких пластах европейской культуры, в частности в культуре Античности, Фуко обнаруживает альтернативные стратегии самоконституирования субъекта. Эллины не использовали речевых практик для проникновения в глубины своего Я и в этом смысле не были субъектами. Дискурсивная деятельность греков являлась частью так называемых «практик себя», или особым инструментом самоконституирования. По утверждению И. Мочаловой, в греко-римской философии Фуко пытается обнаружить «источники современного представления о “Я” как о свободном субъекте, не учреждаемом, но учреждающем себя, каковыми в Новое время были лишь безумцы и преступники» [9, с. 13]. Не случайно внимание Фуко привлечено к речевой культуре парресии, которая являлась вербальным механизмом установления особых отношений между человеком и истиной. Учреждающий себя в независимом экзистенциальном статусе парресиаст в большей степени соответствует современным представлениям о личностной независимости, своезаконности и свободе, нежели эман-

сипированный, но подконтрольный власти новоевропейский субъект.

Коммуникативная роль парресиаста, по утверждению Фуко, осуществляется в ситуации, когда «говорящий или признающийся находится в подчиненном положении относительно собеседника» [13, с. 167]. Парресиаст изначально лишен господствующей позиции и властных полномочий в коммуникативном акте, поэтому вынужден «высказывать себя» в акте сопротивления авторитетному слову власти. Философ, критикующий тирана; гражданин, противопоставивший себя мнению большинства; ученик, не согласный с учительскими догмами, – всё это субъекты парресии как особого вида вербальной деятельности, в рамках которой «говорящий устанавливает специфические отношения с истиной посредством искренности, определенные отношения с собственной жизнью посредством опасности, особые отношения с собой и другими людьми посредством критики (самокритики или критики других) и специфические отношения с моральным законом посредством свободы и долга» [Там же, с. 168]. Парресиаст не просто искренен в своем мнении или суждении, он способен говорить выстраданную самостоятельно истину. Этим, по Фуко, и определяется мера свободы парресиаста, который «предпочитает искренность убедительности, истину – лжи или молчанию, угрозу смерти – жизни и безопасности, критику – лести, а моральный долг – эгоизму и нравственному безразличию» [Там же].

Анализ вербальных техник парресии позволяет нам увидеть существовавшие в античной культуре эффективные способы сопротивления дискурсу власти, которые были связаны с практиками заботы о

персональной самоидентичности и самоидентифицируемости. Власть с ее изолированными способами манипулирования информационным контентом, с различными механизмами инкультурации индивида в область предзаданных смыслов оказывается бессильной перед индивидом, практикующим духовные практики самоконституирования и самопрезентации. Как отмечает Фуко, парресиаст «выражает свою личную связь с истиной и рискует собственной жизнью, потому что считает своим долгом высказывать истину, чтобы делать людей лучше или помогать им (и себе)» [Там же].

Литература

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.
2. Барт Р. Разделение языков // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 519–539.
3. Белова Н.Е. Особенности дискурса информационной войны // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 6-3 (46). – С. 75–78.
4. Бурдьё П. Начала / пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
5. Бурдьё П. Разложение религиозного // Бурдьё П. Начала: пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 147–156.
6. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. – М.: Либроком, 2013. – 344 с.
7. Дьяков А.В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» // Вестник истории и философии КГУ. Серия: Философия. – 2008. – № 2. – С. 45–53.
8. Кутявина Е.Е., Саралиева З.Х. Язык и власть: власть и право // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2003. – Вып. 2 (7). – С. 124–130.

9. Мочалова И.Н. Античные штудии Мишеля Фуко: генеалогия субъекта // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 2, № 2. – С. 9–20.

10. Тихонов А.А. Дискурс власти и власть дискурса в информационном обществе // Власть. – 2013. – № 7. – С. 54–58.

11. Фуко М. Что такое автор? // Лабиринт/Экспентр. – 1991. – № 3. – С. 25–43.

12. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б.М. Скуратова; под общ. ред. В.П. Большакова. – М.: Праксис, 2006. – 320 с.

13. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. – 2008. – № 2 (65). – С. 159–262.

DISCOURSE OF POWER: FROM THE CONTENT MANAGEMENT TO THE CONTEXT MANAGEMENT OF INFORMATION

O.A. Vereshchagin, O.E. Andreev, R.R. Sorokin
Nizhny Novgorod State University (Arzamas branch),
Russian Federation

helgardt@mail.ru
andreevoe@yandex.ru
bts-arz@yandex.ru

The article presents the problems of critical discursive studies in political communication. In particular, the authors demonstrate the methods and strategies of administration through constructing authoritative metanarrative. Media institutions of linguistic (cultural) domination, according to the authors, ensure the stability of the existing hierarchical order and express the fundamental “will to power” in practice of public relations. The nature of domination is manifested in the tightening of control and regulation of communicative actions of citizens almost at the level of generation text and speech. The power authorities (the linguistic ones) in the modern context are not satisfied with the control of discourse as a social practice; they are increasingly interested in the process of subjectification (individualization) of the perception experience. Power wants to control texts and speech products in the media space, and also it sees itself as a generator of the subject’s inner experience. The transformation of people into subjects is in essence a special way of representing them in the modern public legal space. The authors believe, that turning to the verbal technique of *parresia*, allows you to see alternative ways of self-constitution and self-presentation that existed in the traditional consciousness.

The socio-cognitive nature of symbolic politics is considered in the general context of the development of the sociology of knowledge as a promising area of social humanitaristics. The authors carried out an analysis of the forms and mechanisms of the discursive reproduction of the elite power taking into account rich research experience of the Western theory of political communication.

Keywords: power, discourse, information, communication, cognitive research, media, *parresia*, speech practices, symbolic politics.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.2-65-72

References

1. Bart R. Smert' avtora [The death of the author]. Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 384–391. (In Russian).
2. Bart R. Razdelenie yazykov [The division of languages]. Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 519–539. (In Russian).
3. Belova N.E. Osobennosti diskursa informatsionnoi voyny [Discursive features of the information warfare]. *Privolzhskii nauchnyi Vestnik – Privolzhsky scientific bulletin*, 2015, no. 6-3 (46), pp. 75–78.
4. Bourdieu P. *Choses dites* [In other words]. Paris, Minuit, 1987 (Russ. ed.: Burd'e P. *Nachala*. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos Publ., 1994. 288 p.).
5. Bourdieu P. Razlozhenie religioznogo [The decomposition of the religious]. Burd'e P. *Nachala*. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos Publ., 1994, pp. 147–156. (In Russian).
6. Dijk T.A. van. *Discourse and power*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2008 (Russ. ed.: Deik T.A. van. *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii*. Translated from English. Moscow, Librokom Publ., 2013. 344 p.).
7. D'yakov A.V. Mishel' Fuko: o "smerti cheloveka", o svobode i o "kontse filosofii" [Michel Foucault: about the "death of man", about freedom and about the "end of philosophy"]. *Vestnik istorii i filosofii KGU. Seriya: Filosofiya*, 2008, no. 2, pp. 45–53.
8. Kut'yavina E.E., Saraliev Z.H. Yazyk i vlast': Vlast' i pravo [Language and power: Power and the law]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Law*, 2003, iss. 2 (7), pp. 124–130.
9. Mochalova I.N. Antichnye shtudii Mishe-lya Fuko: genealogiya sub"ekta [Michel Foucault's ancient studies: genealogy of the subject]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2015, vol. 2, no. 2, pp. 9–20.
10. Tikhonov A.A. Diskurs vlasti i vlast' diskursa v informatsionnom obshchestve [The discourse of power and the power of discourse in the information society]. *Vlast' – The Authority*, 2013, no. 7, pp. 54–58.
11. Foucault M. Chto takoe avtor? [What is the author?]. *Labirint/Ekstsentr*, 1991, no. 3, pp. 25–43. (In Russian).
12. Foucault M. *Intellektualy i vlast'*. Ch. 3: izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu [Intellectuals and power. Pt. 3. Selected political articles, speeches and interviews]. Translated from French by B.M. Skuratov, ed. by V.P. Bol'shakov. Moscow, Praxis Publ., 2006. 320 p. (In Russian).
13. Foucault M. Diskurs i istina [Discourse and truth]. *Logos*, 2008, no. 2 (65), pp. 159–262. (In Russian).